

ВОЛШЕБНЫЙ МИР СЦЕНЫ творческий портрет

ЗНАЕТЕ ли вы, что такое чудо театра? Знакомо ли вам чувство сладостного волнения, когда в полумраке притихшего зала шелестя, вздымается занавес, и вот-вот перед глазами вспыхнет удивительно новое, необыкновенно прекрасное зрелище...

Истинную и полную радость доставляют нам спектакли, где мудрый замысел и властная воля режиссера, игра талантливых исполнителей и вдохновенный труд художника сливаются в единую неразделимую гармонию. Сегодня художник-сценограф — первая скрипка в творческом содружестве создателей спектакля. Ведь именно ему дано перевести замысел автора в зримый сценический образ, который мы будем вспоминать потом через долгие, долгие годы...

Эдуарда Степановича Кочергина, главного художника Большого драматического театра имени М. Горького, я знаю вот уже добрых два десятка лет. Любуюсь и восхищаюсь его чудесным и на редкость многообразным творчеством, не пропустил еще ни одной его премьеры.

Не скрою, что и сам художник внушает мне искреннюю и глубокую симпатию. Темпераментный и вместе с тем очень сдержанный, скромный, в один миг он способен увлечь вас и внушить чувство безграничного доверия.

Долгие годы напряженного труда в театре не смогли изменить юношески стремительный облик Кочергина, притупить самобытное многообразие его пафты. И еще отточнее стало его мастерство, ярче особенность его характерной творческой манеры, например, искусное владение светом, его смелый, динамичный стиль... Трудно предугадать заранее — какой причудливый зигзаг прочтет воображение художника, выливая, кажется, единственно возможный вариант нового спектакля.

Ведь вот, думалось, — как же может выглядеть на подмостках вроде бы вовсе не сценичный «Холстомер». Ну, известно, что в кино возможно сделать буквально все. А здесь, в этой тесноватой коробке сцены?..

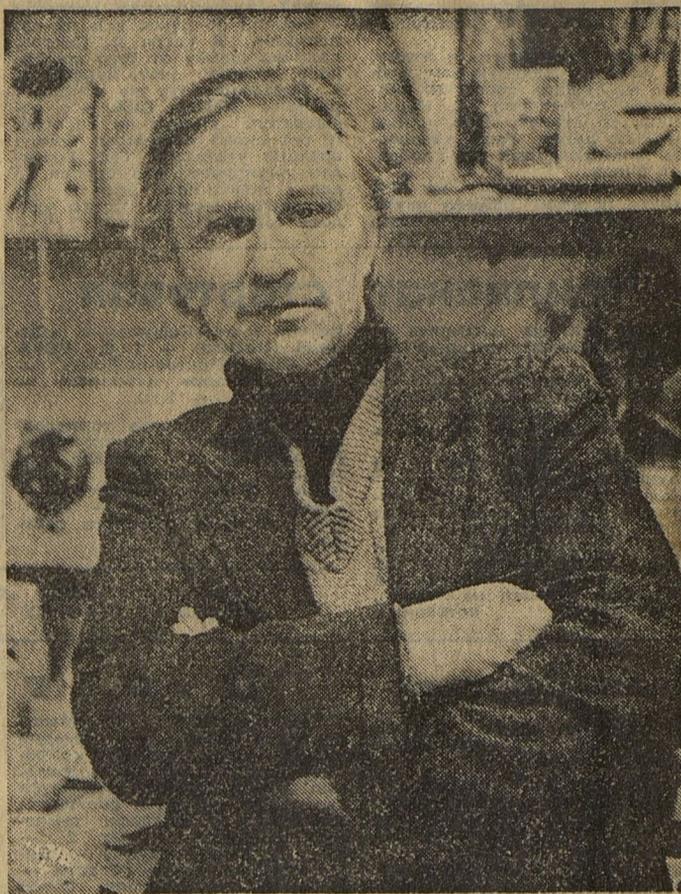
И вот, оказалось, что серая мешковина, которой Кочергин выгородил неширокую площадку конюшенного двора, способна как нельзя лучше подать зримые образы прекрасной и мучительной до слез повести Л. Н. Толстого. И эта же самая площадка магическим образом, тут же на глазах преобразуется в бувар модной куртизанки с персидскими коврами и полушками, среди которых посверкивает золотое шитье гусарского ментика да лаковая желтизна гитары...

А какой великолепной неожиданностью поразила нас Кочергин в «Мольере» М. А. Булгакова. Вспоминается зрительское, полное удивления: — «А как это сделано?»

И в самом деле — перед глазами вознесен многогранный и хрупкий, пятиэтажный куб старинного театра «при блеске ольвающих свечей», наполнивших всю сцену золотым трепетом огоньков. Золототканые парчовые наряды, белые парики и камзолы и алымьяше, как лампады катафалка, свечи — все дышало здесь предвещением гибели великого Мольера.

Талант и сила дарования художника переносят нас в другие времена, в иные страны, и мы верим, отдаемся магии его искусства, наслаждаясь новизной его остроумных находок.

Помню, как пораженный тяжелой лосовой монументальностью монтаровки «Каменного гнезда» в спектакле финского классика Х. Вуолионки, я проник в антракте за кулисы для того, чтобы понять, какими средствами Кочергин творит чудеса. И просто онемел, увидя, что всю эту громаду можно сдвинуть толчком руки без малейших усилий.

Одним из крупных достижений художника за последнее время стала его работа над памятным и сразу полюбившимся спектаклем «Перечитывая заново...». Страницы истории первых лет революции глубоко волнуют Кочергина, они подсказывают ему вполне созвучное содержание, лаконичное решение правдивого и романтического спектакля, где главное действующее лицо — великий Ленин.

Окрутые, массивные складки тяжелого занавеса, похожие на трубы мощного органа, устремленные вверх. Впечатление это завершается, когда со сцены начинают звучать грозные раскаты бетховенской музыки. Эти складки читаются и как величественная колоннада Смольного, и как трубы крейсера «Аврора»...

А на обширной площадке сцены — ничего лишнего. Скупость средств самая аскетическая. В этой простоте ничем не огороженного сценического пространства так отчетливо чувствуются время и героика пламенных лет: самоотверженность, мужество, стойкость... Прямо перед нами, крупным планом, всем знакомый, самый, кажется, дополненный стол Ильича в Смольном, с запомнившимся старинным телефонным аппаратом, зеленой лампой и стоящими рядом глубокими креслами.

В этом бодрящем холодке ленинского кабинета всей кожей чувствуешь простор и остроту свежести льющегося чистого воздуха. Мысль обостряется и все говорит сэралу: главное еще будет перелом: новая жизнь великой страны еще только начинается!..

Кочергин никогда не стремится воспроизвести на подмостках эффектный декоративный фон или назойливую бытовую достоверность. Обладая свежестью и высокими вкусом, художник выражает глубокий смысл и дух пьесы, он сам как бы вселяется в глубину драматургии и создает трепетно живую обстановку действия, адекватную замыслу режиссера и способствующую правдивой жизни актера на сцене.

Как не вспомнить при этом, скажем, «Дачников» М. Горького, где Кочергин с такой полнотой воссоздает заворающую атмосферу предрозового зноя, в котором замедленно, как сонные рыбы в аквариуме, передвигаются то злые, то безвольные обитатели окрестных дач...

А какую пирь беспредельную раскрывает он на той же сцене в шолоховском «Тихом

Доне»; какой ослепляющей магниевой вспышкой заставил сверкнуть, казалось бы, совершенно невозможный — черный — диск солнца среди ясно-го неба...

И еще одно запечатлевшееся навсегда, живущее в памяти. «Кроткая» по Достоевскому. Кажется, весь Достоевский отразился здесь, в этой промозглой петербургской квартирке ростовщика, где на стене неумолимо стучат часы-ходики, кажется, долбящие прямо в голову, да крот с лампадкой бросает робкий свет на неказистый стол и кассу... И веришь поневоле, что где-то тут под стенами непрочного злого жилья бродят тени Раскольникова и князя Мышкина...

И еще одна важная особенность его щедрого таланта — юмор. Прежде всего хочется вспомнить «Пиквикский клуб». Столько здесь каскадов, прелестных неожиданностей, кинематографически быстро сменяющихся эпизодов, изобретательности, придуманной и строго продуманной художником. А ироничный и легкий, даже с оттенком буффонады, спектакль «Волки и овцы», такой нарядный, полный остроумного лукавства, обаяния, веселых сценических находок!

В торопливой и жаркой работе перед выпуском нового спектакля Кочергин не дает спуску ни себе, ни всему постановочному коллективу. Верные его помощники с душой отдаются делу, сознавая огромную важность даже самых малых мелочей. В театре где работает Кочергин, нет места для недоделок или досадных накладок.

Мне приходилось наблюдать, как в самый канун премьеры художник берется за молоток или малярную кисть, спеша внести своей рукой последнюю корректуру в установленной на сцене, вполне, кажется, готовой декорации...

У Эдуарда Степановича Кочергина всегда новых планов и широких замыслов хоть отбавляй, он не терпит остановок. Но рассказывать о несуществующих мечтах и планах Кочергин не любит. И нам остается только ждать новых встреч с ним, когда в финале очередной премьеры постановщик спектакля под аплодисменты выйдет на просцениум главного художника театра, неизменного соратника и единомышленника коллектива в прекрасном и удивительном искусстве театра.

Б. СЕМЕНОВ

Фото М. Дмитриева